

УДК 316.285

СОЦИАЛЬНОЕ НАПРЯЖЕНИЕ И КОНФЛИКТОГЕННАЯ АКТИВНОСТЬ

© 2015 г.

П.И. Куконков

Институт социологии РАН, Приволжский филиал, Н. Новгород

kukonkov_pavel@rambler.ru

Поступила в редакцию 28.08.2015

Обосновывается положение о том, что слабая включенность населения России в процесс реформирования общества свидетельствует о неадекватности уровня социальной активности населения модели развития страны, которую предлагает власть. Подчеркивается, что укоренение конфликтогенной активности не способствует обеспечению социальной поддержки проводимых реформ, предполагающих целенаправленные усилия по включению широких слоев граждан в созидательную деятельность, стимулирующих социальную активность различных социальных групп.

Ключевые слова: социальная дифференциация, социальное напряжение, социальный конфликт, социальная активность, самодеятельность, конфликтогенная активность, протест.

Модернизация современной России предполагает эффективное использование творческого потенциала общества и человека, актуализирует задачу повышения эффективности институтов власти. Эффективность власти во многом определяется ее способностью оптимизировать возникающие социальные напряжения, предполагающей понимание их природы, динамики, а также характера и направленности их трансформаций.

Реальным источником любых социальных процессов и изменений выступает социальный субъект. Именно поэтому стратегическим направлением изучения социального напряжения представляется обращение к субъектности, выявление активного начала в социальном действии, неразрывно связанного со способом осознания социального противоречия действующим субъектом. Особого внимания требует связь социального напряжения и конфликтогенной активности, во многом определяющая характер и направленность проявлений социальной деструкции.

Исследовательский интерес к проблеме социальной активности, наблюдавшийся в 70–80 годы прошлого века [1–7], заметно ослаб на рубеже веков. На наш взгляд, «консервация» этой исследовательской проблематики в настоящее время неоправданна в связи с принципиальной неразрешимостью жизненно важных проблем, стоящих перед российским обществом и государством, без социальной активности населения. К числу таких проблем относится необходимость социальной поддержки заявленной руководством страны программы модернизации.

Важным итогом дискуссий последней четверти прошлого века о природе, формах социальной активности, о соотношении деятельности и социальной активности стал вывод о недопустимости сведения последней к актам сознания либо, напротив, к социальной деятельности [2, с. 12–13]. В настоящее время социальная активность преимущественно рассматривается как «совокупность форм человеческой деятельности, сознательно ориентированной на решение задач, стоящих перед обществом, классом, социальной группой в данный исторический период» [8, с. 7]. Особо подчеркивается, что «субъект активен в той или иной сфере социальной жизни не постольку, поскольку он энергичен в деятельности, а последняя – результативна, а постольку, поскольку он самостоятелен. И насколько он самостоятелен» [9, с. 26]. Социальная активность может проявляться в самых разных сферах: в экономике, общественно-политической сфере, сфере труда, культуре, быту.

Мы исходим из того, что «человек может быть сознательно деятельным существом, лишь находясь в тесной связи с обществом и реализуя свои потребности, интересы, ценности только с его (общества) помощью. Активность личности, группы, общества, вызываемая социальными противоречиями, выступает формой их сопротивления условиям существования» [9, с. 25]. Необходимо подчеркнуть, что их деятельность может быть как активной, так и пассивной.

Процессы, протекающие в России на протяжении трех последних десятилетий, привели к

существенным изменениям в характере и формах социальной активности. Особенности этапа, предшествовавшего началу этих изменений, были зафиксированы в многочисленных публикациях конца 1980-х гг. В частности, авторы всесоюзного социологического исследования образа жизни, фиксируя «слабые» позитивные изменения в «спонтанных» формах общественно-политической активности, отмечали, что 52.5% трудящихся работают в первичных трудовых коллективах, где мнение рядовых работников играет определенную роль при решении производственных вопросов, 10.8% работают в коллективах, где мнение рядовых работников никакого влияния не оказывает, а 10.4% – в условиях, когда рядовые работники вообще не высказывают своего мнения [10, с. 7]. Тогда же был зафиксирован один из важных факторов социальной активности, сохраняющий свое значение до сих пор: «Отсутствие ощутимых результатов общественной деятельности, неизбежно порождающее неудовлетворенность последней, ведет к ее затуханию» [11, с. 23–24].

Тенденции, зафиксированные в конце 1980-х гг., сегодня обретают угрожающие очертания. Причем изменения столь стремительны, что сегодня немалое удивление вызывает даже рассмотрение возможности влияния «рядовых работников» на решение производственных вопросов; не меньшее удивление вызывает само присутствие «трудящихся» в представительных органах власти. Вместе с тем уже не вызывает удивления выдвижение инициатив, по существу, предлагающих поставить под вопрос основные завоевания наемных работников, достигнутые в XIX–XX вв. [12].

Изменения, происходящие в современном российском обществе, сопровождаются не только ростом социальных напряжений, но и повышением конфликтогенной активности отдельных социальных субъектов, которую мы рассматриваем как один из полюсов социальной активности. Конфликтогенная активность чаще всего является следствием неспособности социального субъекта адекватно интерпретировать сущность зарождающихся отношений в пространстве социального недовольства. Неадекватная интерпретация, в свою очередь, накладывает отпечаток на характер и направленность рассматриваемых и принимаемых стратегий становления и развития этих отношений, определяющих жесткость и безадресность становящегося потенциала социального напряжения.

Смысл понятия «конфликтогенная активность» дает выход потенциала напряжения за границу обеспечения существенных интересов

социального субъекта, включение в ее ареал «случайных» объектов. Такая активность может вести к постепенной утрате социальным субъектом необходимой способности приспосабливаться к изменяющимся условиям и к превращению конфликта в способ его существования. Утрата избирательности, безадресность потенциала недовольства социального субъекта ведут к деформации его внутренней структуры, ослабляют его способность избавляться посредством конфликта от возможных нарушений равновесия в отношениях с другими социальными субъектами. Процесс усиления конфликтогенной активности социального субъекта делает его внутреннюю структуру более жесткой, менее восприимчивой к влиянию окружающих условий, дезинтегрирует социальную систему, в состав которой он входит.

Конфликтогенная активность не может быть понята исключительно как обострение отношений, усиление интенсивности враждебных, агрессивных проявлений со стороны субъектов, оказавшихся в поле социального напряжения, поскольку эти явления чаще всего выступают как закономерное следствие процесса перехода от реальных противоречий к их осознанию сторонами данного отношения.

Реальным содержанием активности того или иного социального субъекта выступает самостоятельность, позволяющая ему варьировать свои социальные связи и избегать заданных, жестких отношений по поводу объекта социального противоречия. Это обстоятельство дает субъекту возможность установить наиболее приемлемые социальные связи, позволяющие обеспечить его существование. Следует подчеркнуть, что стороны потенциального конфликта должны быть деятелями, субъектами своего поведения. Это означает, что не все участники конфликта могут быть названы «конфликтующими сторонами», поскольку ряд из них выступает лишь в качестве орудия, инструмента, средства чьих-то конфликтных взаимодействий.

Активность субъекта отражает противоречивость его взаимосвязи с действительностью и стремление снять, преодолеть эту противоречивость. Когда субъекту в его реальном бытии противостоит другой субъект (или другие субъекты), эта противоречивая взаимосвязь нередко принимает форму конфликта.

Поскольку возникновение и снятие противоречивости взаимосвязи с действительностью происходят у индивидов и их общностей постоянно, повседневно, постольку конфликт является нормальным и массовидным социальным феноменом, а вовсе не экстремальным, пре-

дельным случаем обострения социальных противоречий, как трактуют его некоторые авторы [13, с. 80].

На наш взгляд, конфликт не может быть определен как «экстремальное» явление. Вместе с тем если конфликт – «нормальный», предельный случай обострения социального противоречия, то конфликтогенную активность нельзя отнести к «нормальным» явлениям, поскольку она отражает не вполне «нормальное» состояние субъекта. Исходя из этого, конфликтогенная активность может быть определена как самодетельность, направленная на усиление эмоционального фона напряжения, втягивание его субъектов в эмоциональную конфликтогенную спираль.

Конфликтогенная активность, проявляющаяся как перманентные конфликты различной степени остроты, тем не менее не может быть сведена исключительно к этой стороне конфликта как социального явления. Она не только тесно связана со всеми сторонами этого явления, но и выступает в качестве аккумулятора, а в отдельных случаях – усилителя их предельных величин.

Так, если факторами конфликта могут выступать:

- сомнения в законности распределения ресурсов;

- неудовлетворенность эффективностью существующих каналов выражения недовольства;

- неудовлетворенность ограничениями социальной мобильности;

то фактором конфликтогенной активности выступает их явно обостренное восприятие:

- уверенность в незаконности распределения ресурсов;

- неудовлетворенность отсутствием каналов выражения недовольства;

- неудовлетворенность отсутствием социальной мобильности.

Усиление конфликтогенной активности в современной России предполагает особое внимание к ее источникам и факторам. Объективный недостаток – фрагментарность знаний друг о друге субъектов потенциального конфликтного взаимодействия – в процессе их трансформации в субъект конфликтогенной активности заметно усугубляется, усиливая «расплывчатость очертаний», позволяющую увидеть лишь «то, как его поддерживает, возвышает или же унижает тот всеобщий тип, к которому мы его причисляем» [14, с. 119].

Конфликтогенная активность социального субъекта выступает следствием его специфиче-

ского подхода к выбору фрагмента, на основании которого им конструируется тип контрсубъекта. Причем чем объективнее отношение к данному субъекту, тем больше шансов, что в качестве такого фрагмента может быть использован тот, который выражает его существенные характеристики, расширяя возможность его адекватного восприятия. Наличие такой возможности существенно снижает риск возникновения и усиления конфликтогенной активности.

Важным фактором конфликтогенной активности является эмоциональный фон жизнедеятельности социального субъекта, нередко деформирующий процесс становления социального конфликта. Если основные этапы становления и развития конфликта условно обозначить как «анализ», «планирование», «конфликтное взаимодействие сторон», то конфликтогенная активность в данном контексте выступает как перепрыгивание через этапы, способность «влезать» в конфликтное взаимодействие, минуя другие этапы. Вместе с тем она может проявляться на каждом из вышеупомянутых этапов в выборе максимально жестких вариантов. Типичным проявлением конфликтогенной активности выступают протестные акции, эмоциональный фон которых способствует обострению и эскалации социального напряжения.

Неспособность государственных структур обеспечить интересы даже наиболее массовых социальных групп возрождает надежды на самоорганизацию населения, усиление социальной активности. Однако, как показало исследование Левада-Центра, подобные надежды не вполне оправданны: «Четверть респондентов (26%) думают, что большинство людей «не способны объединиться, договориться и прийти к общему мнению», 14% опрошенных заявили, что большинство населения не верит социально активным людям и подозревает их в корыстных умыслах, а 7% предположили, что людям в России не хочется заниматься чем-то «неофициальным», не поддержанным властями. При этом практически каждый третий респондент (29%) заявили, что большинство людей не верят в то, что такая деятельность может принести весомые результаты» [15].

Каковы истоки столь пессимистических настроений? Мы предполагаем, что они коренятся, прежде всего, в характере и особенностях взаимоотношений общества и власти. Ответственная власть, по определению, сотрудничает со всеми группами населения и, в определенной мере, учитывает их интересы. Результаты наших исследований свидетельств-

вуют о том, что на местном уровне все более отчетливо проявляется модель поляризованного общества: на одном полюсе завершающая свое формирование местная «элита» (переплетение местной власти с крупным бизнесом), на другом – значительное большинство местного населения, внутри которого возникают как социально активные группы, так и группы, для которых все более характерны пассивность, апатия или, напротив, конфликтогенная протестная активность.¹

Важным социальным индикатором, влияющим на настроения населения и его отношение к правящему классу, выступает уровень неравенства и особенности его восприятия различными социальными группами. В связи с этим С.Ю. Глазьев отмечает, что в качестве предельно критического (порогового) значения коэффициента фондов, то есть соотношения доходов крайних 10% наиболее и наименее обеспеченных групп населения, принято считать соотношение 10:1. В странах с социал-демократической традицией (Скандинавии и Германии) этот показатель составляет 3–7 раз. В 1991 г. в нашей стране он составлял 4,5 раза, в 2014 г. – 16 раз (по официальной статистике), что в 3 раза выше, чем в царской России. Экспертные оценки дают еще более драматичную картину – от 25 до 40 раз с учетом скрытых доходов. Неспособность государства обеспечить социально справедливое распределение национального дохода, чрезмерное социальное расслоение раскалывают общество на враждующие классы вне зависимости от идеологических скреп. Для современной России, не обремененной какой-либо общенародной идеологией, эта угроза более чем актуальна [16].

Как и в 80-е гг. прошлого века, сегодня специалисты отмечают несоответствие уровня социальной активности задачам развития, модернизации страны. В ходе наших исследований была зафиксирована весьма скромная оценка социальной активности населения. По оценкам населения, активность рядовых жителей оставляет желать лучшего, лишь 5% опрошенных оценили ее как высокую или очень высокую, тогда как 60% охарактеризовали степень участия населения своего района в общественной жизни как низкую или очень низкую.

Низкий уровень социальной активности практически не сказывается на оценке населением перспектив конфликтогенной активности. По данным Левада-Центра, на протяжении последних лет по меньшей мере каждый пятый опрошенный отмечал возможность массовых выступлений населения против падения уровня

жизни, в защиту своих прав [15]. Данные ВЦИОМ свидетельствуют, что в российском обществе сохраняется группа населения (15%), считающая, что в России возможны массовые политические акции протеста, подобные украинскому Майдану 2014 г. В июне 2015 г. 39% россиян не исключили вероятность беспорядков, конфликтов внутри страны на политической, национальной или религиозной почве. Причем каждый пятый (21%) уверен в том, что это случится [17].

Возникает закономерный вопрос: в каком направлении будет развиваться активность «разбухшей» кризисом части населения. На наш взгляд, сегодня отсутствуют убедительные доказательства того, что ее активность не «отольется» в асоциальные, конфликтогенные формы. Результаты исследований в Нижегородской области фиксируют значительный потенциал протестной активности населения (рис. 1).

Более четверти населения Нижегородской области считает вполне реальным сценарий «цветной революции» в России (рис. 2). Обращает на себя внимание, что такой сценарий допускает более трети нижегородской молодежи (38%).

Оценка перспектив эскалации протестных действий населения предполагает учет уровня их организации и координации. Результаты наших исследований свидетельствуют, что в крупных городах России оценка спроса на организацию и координацию протестных выступлений превышает оценку их фактического уровня. Это особенно заметно в Нижнем Новгороде, Самаре. Исключение составляет Калининград, где оценка фактического уровня организации и координации протестных выступлений несколько выше оценки спроса на них (рис. 3).

Данные, представленные на рис. 3, позволяют сделать вывод, что появление сильных оппозиционных лидеров, сопровождаемых группой профессионально подготовленных организаторов протестных действий, может привести к резкому повышению уровня организации и координации протестной активности, к росту числа участников протестных акций за счет «опасающихся», а также связывающих свое участие в протестных акциях с фальсификациями на выборах (рис. 1).

Прогнозирование и предупреждение описанных выше сценариев предполагает тщательный анализ явления конфликтогенной активности, ориентированного на разрешение социального противоречия преимущественно путем выбора одного из крайних решений. Следует

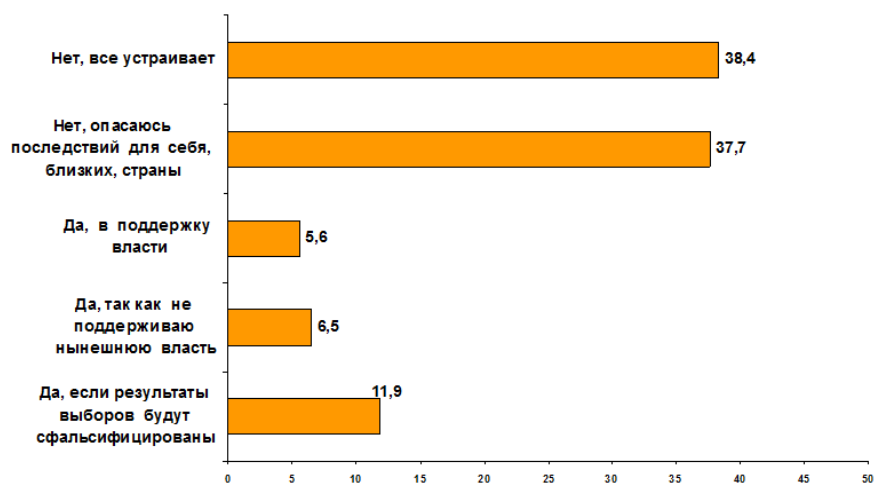

Рис. 1. Готовность нижегородцев к участию в протестных акциях (%)

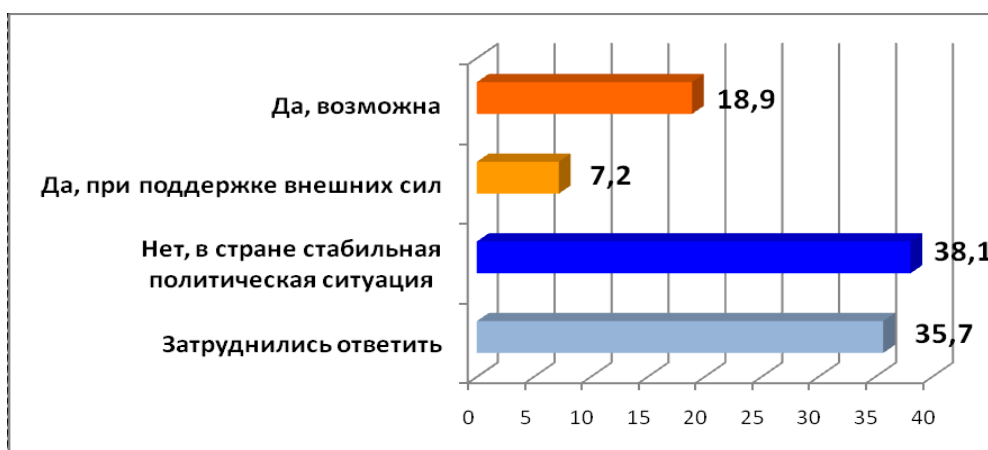

Рис. 2. Оценка нижегородцами возможности «цветной революции» в России (%)

Рис. 3. Оценка фактического уровня и спроса на организацию и координации протестных действий на них

подчеркнуть, что характерной особенностью этого явления выступает отторжение компромисса между сторонами становящегося напряжения, что чаще всего имеет негативные последствия для социальной системы. Характер этих последствий зависит прежде всего от гибкости и динамичности последней. Вместе с тем следует подчеркнуть, что конфликтогенная активность в принципе направлена на разрушение равновесия социальной системы, затруднение ее адаптации к окружающей среде.

На наш взгляд, одним из важных факторов трансформации социальных напряжений в конфликтогенную активность выступает негативное отношение населения к растущему богатству сравнительно узкой группы населения. Мы солидарны с тем, что негативное отношение к богатству вызвало резкое расслоение по доходам одновременно с падением уровня жизни большинства населения после 70 лет «уровнительной политики» [18]. Представляется достаточно убедительным предположение о наличии тесной связи между процессом резкого усиления расслоения населения по доходам и роста доли населения, ориентированной на протест. Это предположение, в частности, подтверждается отсутствием упоминаний о наличии протестных настроений авторами исследований 70-х гг. прошлого века, тогда как с начала 90-х гг. рост социального расслоения сопровождается не только протестными акциями, но и формированием заметной, устойчивой доли населения, ориентированной на протест [15].

Важным фактором трансформации социальных напряжений в конфликтогенную активность выступает характер отношений между населением и властью, которые во многом определяются позицией местного чиновничества, занимающего доминирующее положение в общественно-политической сфере. По мнению Л.Г. Бызова, «правомерность участия граждан в делах управления российские чиновники отвергают (нередко сетуя на то, что неумение россиян отстаивать свои права и интересы является одним из основных препятствий к социальному благоденствию и экономическому процветанию)» [19, с. 27–28]. Н. Тихонова и О. Шкаратан, говоря о социальной политике российского государства, подчеркивают, что ее главной целью «следует считать именно обеспечение социальной стабильности в обществе, в конечном счете, в интересах правящей элиты» [20, с. 24–25].

Магистральный путь эффективной организации повседневной жизнедеятельности в интересах населения конкретных территорий хоро-

шо известен. Это переход от представительной демократии к прямой демократии, позволяющей востребовать умных и авторитетных людей для поддержания максимально высокого уровня и максимально привлекательного образа жизни на местах. Мы исходим из того, что обеспечить все это и за все это отвечать может только общество, но отнюдь не ведомства. Вместе с тем требующая резкого повышения социальной активности необходимость модернизации страны наталкивается на отсутствие необходимой мотивации у значительной части населения. Негативное влияние этого фактора усиливается в условиях резкой дифференциации населения по уровню благосостояния, несправедливости в распределении общественного богатства и явного неравноправия перед законом.

Недоверие населения к власти, а власти к самоорганизованному населению как редкому пока что элементу гражданского общества взаимно. Общественная палата РФ в ежегодном докладе «О состоянии гражданского общества в РФ в 2010 г.» констатировала «слабость реакции властей на основные запросы общества», ведущей к появлению очагов социальной напряженности. В связи с этим Общественная палата предлагает принять закон, обязывающий власть учитывать голос гражданского общества при принятии решений всех уровней [21].

По мнению Ж.Т. Тощенко, «...до тех пор, пока человек не почувствует себя силой, влияющей на решение проблем, хотя бы на уровне местного самоуправления, о гражданском обществе как состоявшемся говорить проблематично» [22, с. 49]. В связи с этим весьма симптоматичен вывод, сделанный Общественной палатой РФ: «Все, что государственная и муниципальная власть может передать самоорганизующимся структурам и общественным организациям, должно быть передано» [21].

Передача общественным организациям части властных функций не может исключить сценариев самоорганизации населения, которые власть не сможет контролировать. Следует подчеркнуть, что к подобной ситуации, требующей гораздо более тонких способов взаимодействия с местным сообществом, местная власть сегодня явно не готова. Подобные перспективы вызывают у нее опасения, которые все чаще находят подтверждение в виде различных массовых протестных практик.

Слабая включенность населения в процесс реформирования общества свидетельствует о неадекватности уровня социальной активности населения модели развития страны, которую предлагает власть. Многообразие и рост «спон-

тантных» форм активности, укоренение конфликтной и асоциальной активности не способствуют обеспечению социальной поддержки проводимых реформ, предполагающих целенаправленные усилия по включению широких слоев граждан в созидательную деятельность, стимулирующих социальную активность различных социальных групп.

На наш взгляд, власти не следует преувеличивать значение того, что большая часть населения смирилась с существующей ситуацией и стремится адаптироваться к ней, опасаясь углубления травмы, полученной в конце прошлого века. В условиях финансово-экономического кризиса, который бьет по самым незащищенным слоям общества, вполне возможно усиление сохраняющихся негативных тенденций. Значительная часть незащищенных слоев будет вынуждена включиться в протестное движение, которое неизбежно будет сопровождаться усилением конфликтной активности.

Примечание

1. Здесь и далее представлены результаты мониторинга социально-политической ситуации в Нижегородской области, реализуемого Приволжским филиалом ИС РАН на базе репрезентативной выборки, начиная с 2012 года.

Список литературы

1. Арефьева Г.С. Социальная активность. М.: Политиздат, 1974. 230 с.
2. Батурин Ф.А. Социальная активность трудящихся: сущность и управление. Новосибирск: Наука, 1984. 176 с.
3. Беленький В.Х. Активность народных масс. Красноярск: Кн. изд-во, 1973. 286 с.
4. Богданова Т.П. Труд и социальная активность молодежи. Минск: Изд-во БГУ, 1972. 240 с.
5. Мордкович В.Г. Общественно-политическая активность трудящихся. Свердловск: УФ АН СССР, 1970. 413 с.
6. Факторы социальной активности городского населения. М.: ИСИ РАН, 1986. 178 с.
7. Пути совершенствования социалистического образа жизни в период перестройки. М.: ИСИ РАН, 1988. 168 с.
8. Российская социологическая энциклопедия. М.: НОРМА-ИНФРА, 1998. 672 с.
9. Социологическая энциклопедия. Т. 1. М.: Мысль, 2003. 696 с.
10. Возьмитель А.А. Общественно-политическая активность: уходящие тенденции и современные проблемы // Материалы Всесоюзной научно-практической конференции «Пути совершенствования социалистического образа жизни». Кишинев – М.: ИСИ РАН, 1988. С. 7–8.
11. Куконков П.И. Общественная деятельность и ее результативность // Материалы Всесоюзной научно-практической конференции «Пути совершенствования социалистического образа жизни». Кишинев – М.: ИСИ РАН, 1988. С. 23–24.
12. Михаил Прохоров подготовил радикальные предложения по изменению трудового законодательства // Коммерсантъ. 08.04.2011. – URL: <http://www.rbc.ru/digest/index.shtml?commerciant> (дата обращения 12.05.2015).
13. Социологический словарь. Минск: Университетское, 1991. 528 с.
14. Зиммель Г. Человек как враг // Социологический журнал. 1994. № 2. С. 114–119.
15. Левада-Центр. Архив. Пресс-выпуски. – URL: www.levada.ru (дата обращения: 03.08.2015).
16. Глазьев С. Запредельное неравенство // Завтра. 24.07.2015. № 29 (1130). – URL: <http://zavtra.ru/content/view/zapredelnoe-neravenstvo/> (дата обращения 29.07.2015).
17. ВЦИОМ. Пресс-выпуск. № 2791. <http://wciom.ru> (дата обращения 14.08.2015).
18. Кому сказать спасибо. О динамике неравенства и его восприятии // Ведомости. 03.02.2015. – URL: <http://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2015/02/03/komu-skazat-spasibo> (дата обращения 29.05.2015).
19. Бызов Л.Г. Бюрократия при В. Путине – субъект развития или его тормоз? // Социологические исследования. 2006. № 3. С. 21–28.
20. Тихонова Н.Е., Шкаратан О.И. Российская социальная политика: выбор без альтернатив // Социологические исследования. 2001. № 3. С. 21–32.
21. Общественная палата ждет наступления реакции // Коммерсантъ. 21.12.2010. – URL: <http://www.rbc.ru/digest/index.shtml?commerciant> (дата обращения 05.05.2015).
22. Состоялось ли Гражданское общество в России (Круглый стол) // Социологические исследования. 2007. № 1. С. 48–54.

SOCIAL TENSION AND CONFLICT-INDUCING ACTIVITY*P.I. Kukonkov***Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences, Volga Branch**

The article substantiates the proposition that the Russian population's weak involvement in the process of reforming society testifies to the fact that the level of the population's social activity is inadequate to the country's development model offered by the authorities. It is emphasized that that conflict-inducing activity taking root in the society does not contribute to the social support of the ongoing reforms, which involve a concerted effort to integrate broad segments of the citizenry in creative activities that encourage social activity of various social groups.

Keywords: social differentiation, social tension, social conflict, social activity, independent activities, conflict-inducing activity, protest.